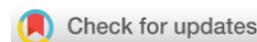
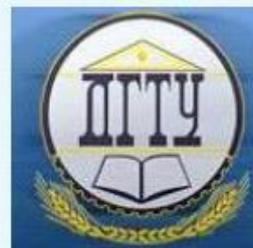

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 930:398.8

Научная статья

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-2-46-52>

Лингвоментальный комплекс казачьего номадизма: обзор номадической культуры в песнях казаков Ставрополя и Кубани в конце XIX в.

О.Г. Цыганская ✉, М.А. Павлюковец, Л.Ю. Зиновьева

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

✉ o-ss@mail.ru

Аннотация

Введение. Цель статьи – анализ особенностей влияния культуры образа жизни сообществ Ставрополя и Кубани на трансформацию лингвоментального комплекса казаков в конце XIX в.

Материалы и методы. Используются функциональный, структурный, стилистический и сравнительный методы, построенные на сочетании методов лингвистики и исторической науки в рамках диахронического подхода.

Результаты исследования. В ходе исследования анализируется проблема мозаичности сообществ кубанцев и малой части представителей первых казачьих общин Ставрополя при формировании особой языковой культуры и образа мышления, а также прямая взаимосвязь комплиментарности и лингвоментального комплекса казаков на примере песенных традиций.

Обсуждение и заключение. Песенно-обрядовая черта и фольклор исследуемой группы были проникнуты полубродячим образом жизни и военной повседневностью, что повлияло на тягу в песнях к «старому доброму времени». Данный гиперсимволизм заменил исходный культурный код, по которому казачьи сообщества существовали вплоть до заселения территории Ставропольской губернии. Перспектива дальнейших исследований по данной тематике выражена в потенциале данного исследования как в лингвистическом, так и диахроническом направлении: большая часть этнических систем народов Кавказа совпадают с их языковыми общностями, что заметно облегчает диахронный анализ для лингвиста.

Ключевые слова: поэзия, фольклор, миф, номадизм, картина мира, Кубань, Ставрополье

Для цитирования. Цыганская О.Г. Павлюковец М.А., Зиновьева Л.Ю. Лингвоментальный комплекс казачьего номадизма: обзор номадической культуры в песнях казаков Ставрополя и Кубани в конце XIX в. Научный альманах стран Причерноморья. 2024;10(2):46–52. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-2-46-52>

Original article

Linguoamental Complex of Cossack Nomadism: a Review of Nomadic Culture in the Songs of the Cossacks of Stavropol and Kuban in the Late 19th Century

Oksana G. Tsyganskaya ✉, Marina A. Pavlyukovets, Larisa Yu. Zinovieva

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

✉ o-ss@mail.ru

Abstract

Introduction. The aim of the article is to analyze the peculiarities of the influence of the lifestyle culture of the Stavropol and Kuban communities on the transformation of the linguoamental complex of the Cossacks in the late 19th century.

Materials and methods. Functional, structural, stylistic and comparative method, built on the combination of methods of linguistics and historical science within the framework of diachronic approach were used.

Results. The study analyzes the problem of mosaic of Kuban communities and small part of representatives of the first Cossack communities of Stavropol in the formation of a special linguistic culture and way of thinking, as well as the direct relationship of complementarity and linguoamental complex of the Cossacks on the example of song traditions.

Discussion and conclusion. The song and ritual traits and folklore of the group under study were imbued with a semi-vagabond lifestyle and military everyday life, which influenced the craving in the songs for the “good old time”. This hypersymbolism replaced the original cultural code, according to which the Cossack communities existed until the settlement of the territory of Stavropol region. The prospect of further research on this topic is expressed in the potential of this study both linguistically and diachronically: most of the ethnic systems of the peoples of the Caucasus coincide with their linguistic communities, which makes diachronic analysis much easier for the linguist.

Keywords: poetry, folklore, myth, nomadism, world picture, Kuban, Stavropol region

For citation. Tsyganskaya O.G., Pavlyukovets M.A., Zinovieva L.Yu. Linguoamental complex of Cossack nomadism: a review of nomadic culture in the songs of the Cossacks of Stavropol and Kuban in the late 19th century. *Scientific Almanac of the Black Sea Countries*. 2024;10(2):46–52. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-2-46-52>

Введение. Лингвоментальным комплексом в лингвистике принято называть сложившиеся языковые и песенные традиции, отражающие картину мира тех или иных народов. Главный представитель данного направления П. Верт считал, что в случае с языковыми общностями, проживающими в условиях фронта, исследователю следует обращать внимание на: 1) актуализм – повседневные занятия общности; 2) природно-географический детерминизм; 3) особенности мифопоэзии и ризомы (совокупность традиций, обусловленных характером жизни общности в *unus mundus*) [14, с. 114].

Первоначально номадический актуализм кубанских казаков формировался в рамках военной повседневности в Кубанском казачьем войске. Различные поселения кубанцев еще до отделения Кубанской области от Ставропольской губернии управлялись кошевыми и куренными атаманами, а затем – наказными, которых назначал императорский двор. После того как Кубанская область была поделена на административные единицы – отделы, в их главе встали отдельские атаманы, которых назначал наказной. Можно сказать, что казачья управа оформилась именно под влиянием своеобразного «вождизма», авторитета атамана, образ которого актуализировал мифопоэтику повседневной жизни и религиозные концепты, свойственные для православной культуры.

Материалы и методы. Изучение данных фактов и явлений повседневности возможно с опорой на методы лингвистики, исторической науки и культурологии. В частности, следует выделить интроспективный метод, оппозиционный метод и метод компонентного анализа, наиболее важные в рамках природно-географического детерминизма. В данном случае следует обозначить следующее: для кубанских казаков была свойственна речная черта жилищной культуры, хотя мифопоэтика и особенности поведенческих стереотипов номадов предполагают образование поселений возле озер, стариц, болот, лиманов и некоторых других видов водоемов, включая скопления углубленных прудов. С другой стороны, притоки Кубани и пересыхающие летом болотистые речки, старицы с долей уверенности можно назвать фактором смешанной культуры образа жизни – и номадической, и георгиевской. Об этом свидетельствует и то, что изначально многие казачьи поселения Дикого поля в период генезиса протоказачьих общин расселились как возле рек, так и возле озер. В третьей четверти XIV – начале XV в. жилищная культура казачества была обусловлена необходимостью содержать огромное поголовье скота и важностью развития казачьих кошей на территориях, где могло не быть рек, но располагалось множество озер или имелась длинная старица [13].

Добыча питьевой воды на Кубани в XIX в. имела общие черты с тем, как общины Дикого поля добывали воду, поселившись вблизи рек и озер. Главным способом получения питьевой воды оставалась очистка через песок и гравий (в тару проделывали несколько отверстий, простилали тканью, а сверху насыпали в два слоя мелкий гравий и песок, закрепляя тару на ветке и подставляя другую крупную тару, так неочищенная вода переливалась через край и не попадала в водоприемник). Вторым способом была фильтрация в яме под водоемом, то что в современности называется «земляной помпой». Для этого недалеко от имеющегося водоема с неочищенной водой вырывали яму ниже уровня воды, вскоре в этой яме скапливалась отфильтрованная почвой вода. Казаки собирали питьевую воду через шерстяные сетки, стараясь не поднять заодно муть и песок со дна [7].

Сбор воды являлся важной частью досуга, иногда – способом его насыщения и расширения социального пространства, создания позитивного эмоционального фона: «Пошел казак с ситом по воду, у мальчика на поводу» [3, с. 402]. Существовали и другие способы. Например: вбивая деревянные колышки в землю, казаки натягивали обработанную шкуру крупного животного или большой кусок ткани, создавая конструкцию наподобие современного тента. Таким образом, дождевая вода стекала в тару. При наличии в соседстве с поселением леса можно было обматывать голени мягкой тканью, собирая росу, или надевать большую сумку на ветку с листьями, плотно завязывая и получая конденсированную жидкость [3, с. 406].

Данные способы не переставали быть актуальными и в XIX в., хотя близость к Черному и Азовскому морям значительно облегчила процесс добычи воды, сделав более примитивные способы неактуальными. С другой стороны, казаки с уровнем достатка ниже среднего, не имея возможности закупать питьевую воду, вполне регулярно пользовались приведенными способами добычи воды, характерными в большей степени для номадической культуры, так как среди землепашцев были более распространены несколько иные способы.

Так или иначе, гидрографика и сакрализация водных ресурсов играли огромную роль в витальном аспекте, при формировании первичных культурных черт, социально-экономических отношений между казачьими общинами и актуализировали на уровне коллективного бессознательного принятие номадического актуализма. Внешние природно-графические и морфологические характеристики рек и водоемов способствовали возникновению особых потребностей в мифосложении и создании собственных, уникальных песенных традиций [4, с. 7].

Результаты исследования. Географические концепты и ценностные аттракторы «свободы» и «воли» не имели тесной взаимосвязи, но вполне были актуальными в семейной жизни и бытовых мотивах. Внутреннее убранство и в XIX в. вполне было свойственно для природы номадики, хотя и претерпело значительные изменения под влиянием православной культуры [4, с. 9].

В рамках этнолингвистики можно привести такой пример: восприятие концепта «огонь» и отношение к «огню» не выходило за пределы концептуализации огня-очага в *unus mundus*. В виде денотата огонь олицетворял семейный уют и преданность вере (в самом широком смысле), а в виде позитивного коннотата – отождествлялся с надежным жилищем и уверенностью в завтрашнем дне. Другой пример связан с денотатом и коннотатом «реки»: функции культурного концепта, переносящиеся с одного слова на другое в виде метафоры, раскрывая таким образом ценностную основу исходного кода [5].

Особенности мышления и картины мира казаков, отражения природы на языковое сознание можно проследить в фольклоре. Приведем отрывок из песенной традиции начала XIX в.:

Головы не преклоняешь,
 Конь ты мой ретивый,
 С седоком как вихорь,
 Как вихорь ты летаешь,
 Увези меня домой,
 На родной-то стороне
 Всяк уютней и спокойней
 Ой, на родной-то стороне...
 Вот он дом, за чистым полем,
 Весь пылает и сияет,
 За семейным очагом
 Сядем, вспомним о былом
 О Рассеюшке споем,
 Баско светит солнце,
 Баско льется и река за склоном,
 Пусть прольется песня следом...
 [9, с. 113]

Жилищная черта номадизма казаков-кубанцев XIX в. ближе всего была к номадической культуре кавказских и закавказских горцев, а больше всего походила на актуализм соседних племен. В действительности, номадический образ жизни казаков, номадов по своей природе, которые обладали поистине огромными территориями для расселения, но не желали усиленно возделывать землю, так как уже имели большое поголовье скота, а также пространства для выпаса, напоминал то, как кочевые племена Ставрополя (ногайцы, калмыки) организовывали жизнь на специально выделенной для них «Территории кочующих народов» [8, с. 189].

Например, ногайцы получили земли вполне пригодные для обработки и развития пахотных навыков, но остановились только на скотоводстве и малых формах огородничества. Этого не хватало для того чтобы сельскохозяйственное производство могло обеспечить продовольствием все семьи, поэтому ногайцы часто вынуждены были работать на казаков. И, надо сказать, что между казаками и ногайцами никогда не возникало комплиментарности, несмотря на этнические и языковые различия. Если же ногайцы устраивали набеги, то его подавляли с меньшей агрессией и давлением на местное население. Ногайцы предпочитали равнины, степи и полустепи, имели опыт жизни на лугах, а потому часто сотрудничали с казаками в организации таких промыслов как луговоеводство и лесоводство. Опасные соседи и негативный опыт переселенческой политики привели к табуированию у ногайцев жилищной культуры оседлого типа [8, с. 196].

Меновая черта в песнях кубанских казаков была обусловлена характером устойчивых социальных связей и легкости ведения торговой политики на разных уровнях организации общины и общества. Культурная интеграция казачества и крестьянства ясно давала понять, что отношение двух социальных групп к приобретению новых социальных концептов, связанных со статусом или престижем, и социальных притязаний было диаметрально противоположным. Крестьяне никогда не стремились получить выгоду сверх необходимости, сверх того, что могло стать благом для семьи или общины. Мен и торговля в утилитарной перспективе казаков вызывали споры и противоречия, а торговые отношения выражались в повседневной необходимости и расширялись в соответствии с личной выгодой и нуждой в получении нового статуса [1].

Косари косять, витэр повивае,
Видна удова з богачом розмовляе.
Богачу – богачу, я тэбэ давно бачу,
Нэ сватай моей дочкы, бо коров нэ маю.
В нейи коровы – то чорнийи бровы,
В нэйи овэчки – ласкови словэчки...

[1, с. 117]

Казачий образ жизни в аспекте социальных связей и торговли полностью совпадал с тем образом жизни, который мы наблюдаем у ногайцев. Даже казаки-ставропольцы во многих бытовых, семейных и культурных аспектах были ближе к ногайцам, но не к крестьянам; исключением можно назвать только беднейший слой и разночинцев, тех, кто утратил наиболее значимые культурные концепты.

Люлька моя пэньковая з вэчэра курылась,
Поставыв я на польщю, впала та й розбылась.
Люлька моя пэньковая, як тэбэ нажиты,
Ой пиду я по базарю, по люльци тужиты.
На базари дивка ловка пшоно продавала,
Вона ж мини молодому люльку сторгувала...

[1, с. 270]

Хозяйственная черта номадизма являлась отражением дифференциации социальных слоев Кубанской области, проходившей не только интенсивно, но и деструктивно: способ добиться нового статуса, удовлетворить свои социальные потребности и притязания часто приводил к тому, что казаки «разлагали» представление о земле как о подлинной форме социального и экономического блага [11, с. 9].

При отсутствии нужды на получение прав на земельные участки, казаки-номады потеряли чувство сопричастности к культуре земли и культу предков, по крайней мере на уровне коллективного бессознательного [11, с. 3].

В XIX в., как свидетельствуют некоторые песни и сборники стихов, на Кубани культ предков существовал в измененном виде, формализованном и противоречивом вследствие вливания религиозных концептов православной культуры, которая диктовала сравнение труда на земле с тяжким бременем – грехом, доставшимся от предков. С другой стороны, наиболее устойчивые языческие, арианские традиции и комплексы верований, актуализированные расселением староверов, предписывали восприятие пахотных участков как даров землекормилицы, а целины как сакрализованных ассоциатов концепта «земли» в мифопоэтике восточных славян.

В условиях крайне высокой урожайности плодородных полос Прикубанской низменности процессы сакрализации и идеализации можно назвать вполне закономерными и оправданными. Диахронически изменение отношения к земле у казаков-кубанцев произошло только 28 января 1918 г., когда была провозглашена Кубанская народная республика [10].

И все-таки, дихотомия между скотоводством и земледелием не позволяла актуализировать новые аксиоформы даже с учетом богатой валерной основы, заложенной принципами славянского мировосприятия. Особая сплоченность и чувство сопричастности кубанских казаков – это те факторы, которые отдалили их от занятия земледелием и приблизили к скотоводству и рыболовству, тем промыслам, которые более подходили под военную повседневность и позволяли раскрыть агонизм. Если крестьяне коллективным трудом, неторопливым и размеренным, добивались высоких показателей в области сельскохозяйственного производства, то у казаков доминировал соревновательный дух (кто раньше выпасет скот, кто больше наловит рыбы и пр.) [12, с. 74].

Казачий круг уважал военные заслуги и добываемые трофеи, данный фактор развил в казаках индивидуализм, стремление к независимости. Сплоченность поддерживалась агонизмом и не вредила развитию индивидуальных акторских культурных черт [12, с. 95].

Проще всего будет раскрыть агонизм казаков Кубанской области и Ставропольской губернии на примере песен «Зажурылысь чорноморци» и «С утра день до вечеру» [1].

Зажурылысь чорноморци,
Шо нигдэ прожиты,
Найихала Московщина,
Выганяе з хаты.
Ой, годи вам, чорноморци,
Худобу плодыты.
Ой, час – пора вам, чорноморци,
Йты на Кубань житы.
Идуть наши чорноморци
Та й нэ оглядаються.
Оглянуться в ридный край –
Слизьмы умываються...

[1, с. 39]

Первая песня была сочинена на Кубани в процессе соревнования между кубанцами и черноморцами, переселившимися на Кубань. Агонизм здесь актуализирован за счет простого соревнования – кто сможет в короткий срок выпастить большего скота (куб. бал. «худобы»). Интересным фактом является и то, что обычно соревнования между казаками не подкреплялись спором, как, например, соревнования между офицерами, расселившимися вдоль Ставрополя и Кубанской области в начале XX в. [2].

Во второй песне показан агонизм между ставропольскими казаками села Ногутского Александровского уезда, бытовая песня с лирическими элементами актуализирует агрессивный спор, но сразу после выделения негативного коннотата, спор в интенции автора тут же сменяется на концепты смеховой культуры, возникает мотив плясовой песни:

С утра день до вечера,
Выпасали мы овец,
Баско гордо, баско рьяно,
Во село Ногутском.
Ишо позаспорили
Аж повздорили да,
Кто больше выпасет,
Тот и молодец,
Ой, кто больше выпасет,
Тот и молодец...
[4, с. 62]

Военная, героическая черта номадизма является главной при рассмотрении номадической культуры казачества в целом, она же является и самой спорной, так как специфика военной повседневности кубанцев и казаков-ставропольцев во взаимосвязи с воинской ментальностью была обусловлена внешним фактором, а не внутренним. Данный факт может сделать анализ героической черты односторонним. Впрочем, если связывать воинскую ментальность с «деловой жилкой», присущей для кубанского казачества еще в начале XVIII в., то становится более ясна тяга кубанцев к военным трофеям, а также характерная черта военных навыков, берущих начало не столько в храбрости и самоотрешенности, сколько в смекалке и хитрости (это может указывать и на утилитарную перспективу как таковую, заметно выделяющуюся на фоне перспективы донской группы) [6, с. 3].

Семейная и бытовая черты номадизма были искажены влиянием православной культуры (в том виде, в котором она была распространена среди казаков). Влияние традиций, ритуальной части обрядов и культурных универсалий донского казачества заметно преобразили номадизм кубанцев, выделившихся из единой этнокультурной среды казачества. С другой стороны, по сравнению с казаками-ставропольцами, номадизм семейной жизни еще сохранял природу номадики. Хотя из соотношения того, сколько различных казачьих и крестьянских групп повлияли на формирование ментальности и языкового сознания, культурной основы всех казачьих общин и станиц Ставрополя к концу XIX в., не стоит удивляться тому, что номадическая культура не находила постоянного отражения в семейной повседневности [6, с. 5].

В какой-то момент казаки-ставропольцы даже стали приобретать синкретические элементы комплекса народных верований горских племен (но не тех, которых можно было бы отнести к номадам), это сильно ударило по утилитарной перспективе и номадизму в целом. С другой стороны, влияние множества социальных связей с ногайцами относительно спасало прорастающие ризомы, даже если созревающие плоды могли в итоге оказаться гибридными [7, с. 11].

Как во тереме, как у нас,
Как во тереме высоком,
Там столы стояли,
Стол новые – дубовые,
Так ли у нагайца в хате
Скатерти разостланы?
Так ли бутылочки расставлены?
Так ли стаканчики поставлены?
О чем речь пойдет, о том не знаю,
Ой, нагаец, мы затеем,
Мы затеем жизнь степную!
Опостылил дом родной,
То-то я печалюсь и тоскую...
[9, с. 103]

Ногайцы, если судить по культуре, языку и образу жизни и мышления, сохранили более «чистую» природу номадики, чем кубанцы и тем более ставропольские казаки, но так или иначе их модель номадизма была совершенно иной, они не переставали восприниматься как инокультурные феномены в глазах всего казачества южнорусских станиц в целом. При этом гомеостаз и гиперсимволизм некоторых ногайских племен скорее интересовали казаков, чем настораживали.

Как считал Л.А. Якоби, именно поэтому лингвист может полагать, что соседство с ногайцами поддерживало в песнях казаков-ставропольцев структурные элементы номадизма, формальные ризомы, но не развивало функции номадической культуры в фольклоре, так как и традиции, и обычаи стихосложения, и многие песни казачья часть населения Ставропольской губернии заимствовала либо у кубанцев, либо у черноморцев, а новый фольклор создавали, как правило, бывшие богатые и зажиточные крестьяне, перешедшие в казачье сословие (об этом можно судить, как минимум, по языковым индикаторам (лексемам, лексам, морфемам, морфам, алломорфам, концептам, дискурсам, синтагмам и т.д.), присущим для кубанской балачки или говору казаков Ставрополя) [11, с. 4].

Обсуждение и заключение. Итак, определяя лингвоментальный комплекс казаков-номадов, можно заключить, что следствием вливания в окрестные территории новых языковых доминант, этнических и культурных идиоформ стало то, что кубанцы отвергли крестьянский быт, образ жизни и мышления противились проникновению георгиевской культуры в казачью среду, несмотря на то что нуждались в крестьянах как в бесплатной, или, по крайней мере, в дешевой рабочей силе. Противоречивая политика начальников и губернаторов Кубанской области только сыграла на руку тем богатым семьям, которые выступали против расселения невойсковых сословий на территории Кубани. Они считали, что крестьяне должны сохранить за собой роль земледельцев, и это касалось, в первую очередь, иногородних, беженцев и мигрантов.

Песенно-обрядовая черта таким образом является двойственной по многим аспектам: фольклор, который сложился в языковом пространстве Кубани и Ставрополя в исследуемый период, пронизывали и природа номадики и георгиевская культура. *Locus topicus* – линия истечения, и, безусловно, данная проблема заслуживает отдельного и междисциплинарного исследования.

Тот лингвоментальный комплекс, который мы наблюдаем в Ставропольской губернии, совершенно иной: казаки относительно легко приняли крестьян и даже активно сотрудничали с ними, оказав поддержку при переходе в казачье сословие. На Ставрополе в конце XIX в. начали складываться особые культурные и языковые песенные традиции, для которых был характерен синтез номадики казаков и земледельческой культуры крестьян-землепашцев.

Список литературы

1. Werth P. *At the Margins of Orthodoxy. Missions, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Paul W. Werth. Ithaca: Cornell University Press; 2002. 275 p.
2. Minahan J. *One Europe, Many Nations: A Historical Dictionary of European National Groups, Kuban Cossacks*. Westport: Greenwood Publishing Group; 2000. 800 p.
3. *Сказки седого Терека: сборник казачьих сказок, записанных в станицах Терека и Кубани: для детей старшего возраста*. Сост. и ред. И.Ю. Щербакова; худож. В.С. Поляков. Ставрополь: Полиграфпром; 2014. 303 с.
4. Долговая Е.И. *История Ставрополя в отчетах губернаторов (1804–1914 годы): Сборник документов*. Под ред. Е.И. Долговой. Ставрополь: Бюро новостей; 2013. 504 с.
5. *Исторические песни малорусского народа с объяснениями В. Антоновича, М. Драгоманова*. Киев; 1874. Т. 1. 336 с.
6. *Песни казаков Кубани. Заполнение и подготовка к печати И.Ф. Варравы*. Ред. В.М. Сидельникова. Краснодар: Краснодарское Кн. изд-во; 1966. 326 с.
7. Томарчевский И.И. *Песни казаков*. Москва: Изд. В. Секачев; 1911. 336 с.
8. *Ставропольская книга 1853–1917 гг. (Материалы к репертуару дореволюционной книги Ставрополя 1853–1917 годов)*. Сост. М.В. Агарков, Т.Ю. Кравцова. Ред. Ю.В. Николаев. Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. Лермонтова. Ставрополь; 2002. 272 с.
9. Бигдай А.Д. *Песни кубанских казаков*. Т. 1. Песни линейных казаков. Ред. В.Г. Захарченко Краснодар: Советская Кубань; 1995. 449 с.
10. Якоби Л.А. *Ставропольские напевы*. Ставрополь: КЦНТ, ГП ИПФ Ставрополь; 1998. 80 с.
11. Якоби Л.А. *Русские народные песни, записанные на Ставрополе*. Сост. Л.А. Якоби. Ставрополь: Кавказский край; 1997. № 27.
12. Freeze G. *The Parish Clergy in nineteenth-century Russia: Crisis, reform, counter-reform*. New Jersey: Princeton University Press; 1981. 508 p.
13. Бигдай А.Д. *Песни кубанских казаков*. Т. 2. Песни линейных казаков. Ред. В.Г. Захарченко Краснодар: Советская Кубань; 1995. 530 с.
14. Прозрителев Г.Н. *Песня Стеньки Разина. Этнографический набросок из записной книжки народника семидесятых годов*. Ставрополь: Тип. Окриздата; 1925. 8 с.

References

1. Werth P. *At the Margins of Orthodoxy. Missions, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905*. Paul W. Werth. Ithaca: Cornell University Press; 2002. 275 p.
2. Minahan J. *One Europe, Many Nations: A Historical Dictionary of European National Groups, Kuban Cossacks*. Westport: Greenwood Publishing Group; 2000. 800 p.

3. *Skazki sedogo Tereka: sbornik kazachikh skazok, zapisannykh v stanitsakh Tereka i Kubani: dlya detey starshogo vozrasta = Tales of the Gray Terek: a collection of Cossack tales recorded in the villages of the Terek and Kuban: for older children.* Stavropol: Poligraprom; 2014. 303 p. (In Russ.).

4. Dolgovaya Ye.I. *Istoriya Stavropolya v ochetakh gubernatorov (1804–1914 gody): Sbornik dokumentov = History of Stavropol in the reports of governors (1804–1914): Collection of documents.* Stavropol: Byuro novostey; 2013. 504 p. (In Russ.).

5. *Istoricheskiye pesni malorusskogo naroda s obyasneniyami V. Antonovicha, M. Dragomanova = Historical songs of the Little Russian people with explanations by V. Antonovich, M. Dragomanov.* Kyiv; 1874. Vol. 1. 336 p. (In Russ.).

6. *Pesni kazakov Kubani = Songs of the Cossacks of Kuban.* Krasnodar: Krasnodarskoye Kn. izd-vo; 1966. 326 p. (In Russ.).

7. Tomarchevskiy I.I. *Pesni Kazakov = Songs of the Cossacks.* Moscow: Publishing house. V. Sekachev; 1911. 336 p. (In Russ.).

8. *Stavropolskaya kniga 1853–1917 gg. (Materialy k repertuaru dorevolyutsionnoy knigi Stavropolya 1853–1917 godov) = Stavropol book 1853–1917. (Materials for the repertoire of the pre-revolutionary book of the Stavropol region 1853–1917).* Stavropol State Regional Universal Scientific Library named after. Lermontov. Stavropol; 2002. 272 p. (In Russ.).

9. Bigday A.D. *Pesni kubanskikh kazakov.* Т. 1. *Pesni lineynykh kazakov = Songs of the Kuban Cossacks.* Vol. 1. *Songs of the linear Cossacks.* Krasnodar: Sovetskaya Kuban; 1995. 449 p. (In Russ.).

10. Yakobi L.A. *Stavropolskiye napevy = Stavropol melodies.* Stavropol: KTSNT, GP IPF Stavropol'ye; 1998. 80 p. (In Russ.).

11. Yakobi L.A. *Russkiye narodnyye pesni, zapisannyye na Stavropolye = Russian folk songs recorded in the Stavropol region.* Stavropol: Kavkazskiy kray; 1997. № 27. (In Russ.).

12. Freeze G. *The Parish Clergy in nineteenth-century Russia: Crisis, reform, counter-reform.* New Jersey: Princeton University Press; 1981. 508 p.

13. Bigday A.D. *Pesni kubanskikh kazakov.* Т. 2. *Pesni lineynykh Kazakov = Songs of the Kuban Cossacks.* Vol. 2. *Songs of linear Cossacks.* Krasnodar: Sovetskaya Kuban; 1995. 530 p. (In Russ.).

14. Prozritelev G.N. *Pesnya Stenki Razina. Etnograficheskiy nabrosok iz zapisnoy knizhki narodnika semidesyatykh godov = Song of Stenka Razin. Ethnographic sketch from the notebook of a populist of the seventies.* Stavropol: Tip. Okrizdata; 1925. 8 p. (In Russ.).

Об авторах:

Цыганская Оксана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Северо-Кавказский федеральный университет (РФ, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1), o-ss@mail.ru

Павлюковец Марина Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Северо-Кавказский федеральный университет (РФ, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1).

Зиновьева Лариса Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Северо-Кавказский федеральный университет (РФ, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1).

Поступила в редакцию 03.05.2024

Поступила после рецензирования 23.05.2024

Принята к публикации 24.05.2024

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Tsyganskaya Oksana Gennadevna, Cand. (Philology), Associate professor of the Department of English, North Caucasus Federal University (1, Pushlin st., Stavropol, 355017, RF), o-ss@mail.ru

Pavlyukovets Marina Alekseevna, Cand. (Philology), Associate professor of the Department of English, North Caucasus Federal University (1, Pushlin st., Stavropol, 355017, RF).

Zinovieva Larisa Yurievna, Cand. (Pedagogy), Associate professor of the Department of English, North Caucasus Federal University (1, Pushlin st., Stavropol, 355017, RF).

Received 03.05.2024

Revised 23.05.2024

Accepted 24.05.2024

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.